

О. М. Ломако

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ГУМАНИЗМА: ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, философский факультет,
Саратов, Россия*

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу антропологических рисков гуманизма в их исторической трансформации. Рассматривается методологическое различие гуманизма и просвещения. Отмечается, что в ходе цивилизационного процесса происходит расхождение антропологии и гуманизма, что ведёт к потере человеческого. Анализируется концепция Ульриха Бека о космополитическом повороте в мировом обществе риска. Осознание ценности гуманитарного знания определяется как важная характеристика современной цивилизации.

Ключевые слова: философия, гуманизм, антропология, просвещение, гуманитарное знание, мировое общество риска

O. M. Lomako

ANTHROPOLOGICAL RISKS OF HUMANISM: HUMANITARIAN KNOWLEDGE AS A VALUE

Saratov State University, Faculty of Philosophy, Saratov, Russia

Abstract. The article is devoted to the philosophical analysis of anthropological risks of humanism in their historical transformation. The methodological difference between humanism and enlightenment is considered. It is noted that in the course of the civilizational process there is a divergence of anthropology and humanism, which leads to the loss of humanity. Ulrich Beck's concept of a cosmopolitan turn in the global risk society is analyzed. Awareness of the value of humanitarian knowledge is defined as an important characteristic of modern civilization.

Keywords: philosophy, humanism, anthropology, education, humanitarian knowledge, global risk society

Проблема антропологического кризиса гуманизма и его последствий для будущего человечества не теряет своей актуальности, обретая в условиях нарастающей глобализации эпический характер. При этом всё более очевидна парадоксальность этого явления: с одной стороны, антропологический кризис гуманизма – общепризнанный факт, тогда как с другой стороны, он – тайна и загадка, как, впрочем, и сам человек современности, когда различные рискогенные ситуации становятся всё более заметными явлениями, влияющими на динамику общественных процессов, социальных сообществ и человека.

Антропология, гуманизм, просвещение: риски утраты человеческого. Вполне очевидно, что гуманизм, человек и человечность не

могут пониматься только как общечеловеческие идеалы, ценности и ориентиры нашего развития, поскольку включают в себя конкретно-исторические события, в значительной степени связанные с пространственно-временными условиями.

Для осмысления сути человеческого, измерений человечности необходима определённая методологическая установка. Думается, что речь должна идти о различии антропологического и гуманистического принципов философствования в ходе цивилизационного процесса.

Первыми гуманистами назывались образованные люди, состоявшие в переписке друг с другом. Именно отсюда происходит первое определение гуманизма как дружеское общение с помощью письма. Древнеримские гуманисты были не более чем сектой грамматиков, чей проект, в отличие от многих других, стал универсальным. Вполне естественно, что это не могло произойти без государственной поддержки социальных институтов, развивающих письменную культуру. В школах, гимназиях и университетах логические, научные и литературные стандарты и нормы согласуются с политическими, благодаря чему возникает некая принудительная дружба. Так, приглашение через культуру письма к дружбе незнакомых и даже ещё не родившихся людей стало приглашением к дружбе других поколений [1, с. 319–320].

Начиная с эпохи Возрождения, гуманизм понимается не только как человечность, но и как учёность. В Новое время, по сути, происходит отождествление гуманности и разумности вследствие чего человек становится «человеческим материалом», из которого можно сделать «всё». Ориентир на покорение природы реализуется через развитие науки и техники. Эти детища человека – наука и техника, – задуманные как послушные средства, привели к необратимому изменению самого человека и его жизни. Произошло исчезновение, растворение человеческого в цепях циркуляции техники, информации, капитала. Всё это приводит к расхождению антропологического и гуманистического идеалов культуры, к отчуждению человека от человеческого, к вытеснению антропологии гуманизмом. Разум, свобода, равенство, гуманизм теряют своё антропологическое содержание, теряют человека. Вот тогда наступает понимание риска утраты человеческого, что становится мировоззренческой и методологической проблемой.

Задаваясь вопросом «Что такое просвещение?», М. Фуко предостерегает от легко возникающей путаницы между гуманизмом и просвещением и определяет их различие. Философ трактует просвещение как совокупность событий и процессов, произошедших в определённый период развития Европы. Просвещение включает в себя элементы социальных преобразований, типы политических институтов, формы знания, технологические изменения и т.д. Гуманизм есть нечто совершенно другое: это совокупность тем, несколько раз с течением времени появлявшихся в европейских обществах. Темы эти – всегда связанные с ценностными суждениями, – всегда были различными и по своему содержанию, и по ценностям, которые они несли. Кроме того, они

служили критическим принципом дифференциации. М. Фуко отмечает противоречивость гуманизма и многообразие его форм. Так, например, существовал гуманизм, выступавший как критика христианства или религии вообще; существовал христианский гуманизм, противопоставлявшийся аскетическому и теоцентрическому гуманизму XVII в. В XIX в. существовал гуманизм, настроенный недоверчиво, даже враждебно и критически по отношению к науке, и в то же время – другой гуманизм, который, напротив, связывал свои надежды с этой же самой наукой. Как гуманизм выступали также совершенно различные направления, например, марксизм и экзистенциализм. Фуко определяет отношение между просвещением и гуманизмом скорее как напряжение чем как тождество, полагая их отождествление исторически неточным и даже опасным. Он предлагает избегать исторической и моральной путаницы, смешивающей тему гуманизма и вопрос о Просвещении [2].

В новогуманизме XIX в. общество распадается на две части: образованных и необразованных. Это деление понемногу вытеснило все предыдущие. Если прежде людей делили на благородных и простых, на верующих и неверующих, на протестантов и католиков, то теперь общение с человеком попало в зависимость от его образованности. Наука все больше становилась корпоративной, засекреченной организацией, уверенной в своей власти. Образовавшаяся «трещина» между знанием и бытием неизбежно вела к пониманию несоответствия сущности (*essentia*) и существования (*existentia*), к необходимости поиска «подлинного», т.е. человеческого бытия. Если в литературе это нашло выражение в образах тени и двойника, когда тень становится господином, то в философии появляется понятие «отчуждение» у Гегеля и Маркса. Становится понятным, почему Ницше и Хайдеггер критикуют гуманизм и морализм, отдавая предпочтение «началу» перед гуманистической традицией. Не только вероятно, но и очевидно, что постепенно *Человеческое* оказалось в забвении и должно быть восстановлено через возвращение к его природному началу с помощью антропологии.

Ульрих Бек рассматривает гуманизм и просвещение в связи с поворотом цивилизации к космополитизму в мировом обществе риска, превращая «космополитический момент» в основной фокус своего исследовательского внимания. Когда говорят о гуманности, всегда (сознательно или бессознательно) имеют в виду идею о том, что человечество представляет собой единство и, стало быть, человек как человек заслуживает уважения. На этом основано естественное право и на этом же основан космополитизм. Если в нормативном смысле космополитизм – признание Другого в его культурной инаковости, то в смысле современной реальности – это травматический опыт принудительной коммуникации в обществе глобальных рисков. Такое принудительное сообщество У. Бек называет «вынужденным просвещением», поскольку мировое общество риска так или иначе выполняет просветительскую функцию. Никто не мог предвидеть и предсказать, что человечество окажется в ситуации глобальных рисков.

Мировое общество риска вынуждает человека на признание плюральности мира. Глобальные риски открывают моральное и политическое пространство, которое, несмотря на любые границы и противоречия цивилизаций и культур, должно объединяться ответственностью за Другого. Две стороны глобальных мировых рисков, как подчёркивает Ульрих Бек, – травматический опыт уязвимости всех и следующая из этого необходимость ответственности за другого, хотя бы ради собственного выживания. Он сформулировал два диаметрально противоположных высказывания: глобальные риски распространяют парализующие страхи. Или: глобальные риски открывают новые пространства сотрудничества. Ни одно из них не является ложным, поскольку каждое ложно, точно так же как ни одно из них не является верным, поскольку оба правильны. Это и имеется в виду, когда Бек говорит об амбивалентности «космополитического момента» мирового общества риска [3, с. 110–112]. Таким образом, гуманизм проходит путь от «принудительной дружбы» к «вынужденному просвещению» в мировом обществе риска.

Гуманитарное знание как ценность: дискурс и событие.

Исследование культуры как целостного явления относится к периоду конца XVII – начала XVIII в. – к эпохе европейского Просвещения. Основные идеи этого периода – вера в безграничные возможности Разума, торжество гуманности, добра, милосердия, возможность духовного совершенства человека и взаимопонимания народов. Идеи гуманизма проникали в философию, литературу, искусство. Итальянский философ, историограф, Д. Вико, впервые осуществил целостное рассмотрение человеческой истории и культуры. Философия того периода пыталась постигать законы окружающего мира и познать его истину. Д. Вико говорит о том, что надо прежде всего изучать мир, созданный человеком, т.е. культуру. То, что создал человек, это и есть истина. *Verum* (истинное) и *factum* (сделанное) взаимосвязаны.

Разделив действительность на два мира – мир природы, созданный Богом, и мир гражданский (мир культуры, мир наций), созданный людьми, Вико провёл четкую границу между естественными науками и науками гуманитарными. Доказывая приоритет поэзии, философ тем самым утвердил ценность гуманитарного знания и гуманитарного мировосприятия в целом. Для постижения мира в его единстве он обосновал необходимость союза философии и филологии как две формы постижения мира: поэтической и философской. Согласно Д. Вико, поэт – первый мыслитель рода человеческого. Сначала возникает миф, символ, образ, знак, то есть мир искусств. Затем философы создают мир наук. «Первые народы, как бы дети Рода Человеческого, прежде всего основали Мир Искусств; впоследствии Философы, появившиеся через много лет, следовательно, как бы старики наций, основали мир Наук; тем самым культура была полностью завершена» [4, с. 192].

Важным вкладом в осмысление ценности гуманитарного знания является произведение Иммануила Канта «Спор факультетов», в котором с особенной силой и страстью философ-педагог открывает новый горизонт движения человечества к своему будущему. Отдав 40 лет жизни делу преподавания в университете Кенигсберга (Альбертина), философ завершил свою профессорско-преподавательскую деятельность этим произведением, которое представляет по своей сути итог его профессорско-преподавательской и философско-мировоззренческой деятельности, явившись проектом реформирования университетского образования.

Как известно, с момента возникновения университетов во второй половине XII века они состояли из младшего – философского – и трёх старших факультетов: богословского, юридического и медицинского. Студенты, успешно прошедшие подготовительный факультет и усвоившие тривиум и квадриум, имели право переходить по выбору на один из старших факультетов. Кант оказался в числе первых, кто осознал, что эта структура пришла в противоречие с системой научного знания и общей культурой Европы конца XVIII в. Он преподавал широкий круг как естественных, так и гуманитарных наук и мог сравнивать их уровень на протяжении почти 60 лет, поскольку вступил в университет в 1740 году. Вполне естественно, что Кант не мог не видеть фундаментального различия в состоянии науки 40-х и 90-х гг. XVIII в. Стремительно происходил процесс дифференциации наук. На глазах у Канта натуральная философия и так называемая естественная история распались на отдельные специальные области и уходили в прошлое. Наука превращалась в профессиональное занятие, способное изменить весь уклад жизни общества. Аналогичный процесс происходил и в области гуманитарных наук, хотя более медленными темпами. И весь этот объём знания изучался на философском факультете, тогда как старшие факультеты, по существу, не менялись. Становилось всё более очевидным, что современное состояние и положение философского факультета совершенно не учитывало новой ситуации. По мысли Канта, из младшего подготовительного философский факультет должен стать факультетом самостоятельным. Кант первым осознал методологическую роль философии относительно научного знания в его теоретическом осмыслении и в практическом применении. Сначала структура университета сама по себе Канта не занимала, речь шла о связях и отношениях философско-теоретического уровня знания и уровня эмпирически-практического. Но позже вопрос о споре факультетов стал для него первостепенным. Правда, в «Споре факультетов» не было предложено создание нового (естественнонаучного) факультета, но сама идея была высказана, а затем начали происходить те изменения, которые предсказал И. Кант [5, с. 5–7].

В противоположность господствовавшим в XIX в. попыткам «научно» оформить гуманитарные науки, применив к ним методы естественных дисциплин, Вильгельм Дильтей пытался выявить особый, присущий только гуманитарным наукам, характер научности. Особую важность приобретает

вопрос о таких условиях, при которых наука вообще становится возможной. При такой постановке проблемы и ее решении В. Дильтей с самого начала придерживался открытого И. Кантом измерения научного познания. Суть его в следующем: условия, которые делают возможными высказывание и интерпретацию, нужно искать в самом высказывании и интерпретирующем субъекте, в трансцендентальном, устанавливающем гуманитарные науки сознании. Таким образом, в теорию познания была включена герменевтика как «совершенно смягченный вариант исторического сознания» И. Канта [6, с. 11].

Рассмотрение гуманитарного знания у В. Дильтея происходит в неразрывном единстве с понятием «жизнь». В качестве предпосылок своего рассмотрения он называет два момента. Во-первых, под психическими жизненными единицами философ понимает составные части общественно-исторического мира и, во-вторых, психической структурой он называет взаимосвязь различных усилий в психических жизненных единицах.

Основанием гуманитарных наук философ полагает переживание, выражение и понимание, поскольку их развитие зависит как от углубления переживаний, так и от распространения понимания на всю объективность духа и наиболее полное методическое выявление духовного в различных жизненных проявлениях. Воплощение того, что нам открывается в переживании и понимании, есть жизнь как связь, охватывающая весь род человеческий [7, с. 157–159].

Рассматривая вопрос о происхождении гуманитарных наук, Дильтей утверждал, что они «развиваются из творческой силы нации». С этого постулата началось новое воззрение на историю. Не без влияния философии историческая школа обратилась к древнейшим временам и нашла здесь творчески действующий общественный дух. Именно этот дух, которым определяется все дальнейшее развитие наций, производит такие национальные достояния, как обычай, право, миф, эпос. Язык, обычай, конституция не имеют изолированного бытия (Dasein). Это только отдельные силы и деятельности одного народа, неразрывно соединенные в природе. Их объединяет общее убеждение народа. Дильтей называет это время «юностью народов», которая была «бедна понятиями», но богата «ясным сознанием, состоянием и отношениями», переживавшимися целиком и полностью. Они выступают «настоящей грамматикой права» [7]. Он рассматривает жизнь как повторение в индивидуальном развитии истории человеческого духа культурного развития человечества в целом. Приобщение к накопленному в истории опыту служит при этом не целью, а средством обогащения жизни, каждый период которой представляет собой исключительную ценность.

Конечно, ни Ницше, ни Дильтей, ни Хайдеггер, ни Фуко не были противниками гуманизма и были весьма далеки от постановки вопроса как «за гуманизм» или «против гуманизма». Вернее, их способ мышления можно обозначить как мышление не-против, как понимание и признание Другого. Генеалогия Ницше как возвращение к истокам бытия, онтогерменевтика

Хайдеггера как путь «из светлого в тёмное», археология и историческая онтология Фуко – всё это не только теоретические идеи, но и гуманитарные практики конструирования самих себя и своего бытия. Социокультурный дискурс гуманитарных наук включает в себя додискурсивное и дискурсивное знание, неинтеллигибельный, экстатический опыт, живое событийное общение, являясь вдохновенным способом саморазвития внутренних сил человека.

Список литературы

1. *Марков, Б.В.* Знаки бытия. – СПб.: Наука, 2001. – 466 с.
2. *Фуко, М.* Что такое просвещение? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – № 2. – 1999. – С. 132–149.
3. *Beck, U.* Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2015. – 437 S.
4. *Вико, Д.* Основания Новой науки об общей природе наций. – Л.: Художественная литература, 1940. – 619 с.
5. *Калинников, Л.А.* О «Споре факультетов» // Кант, И. Спор факультетов. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – С. 3–24.
6. *Riedel, M.* Einleitung // Dilthey, W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1993. – S. 9–80.
7. *Dilthey, W.* Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1993. – 403 S.